

RU

Модель мира детства в фольклорном дискурсе (на материале региональных текстов детского фольклора)

Большакова Н. В.

Аннотация. Цель исследования - выявить дискурсивные особенности псковских текстов детского фольклора, раскрывающие картину мира детства в традиционной культуре. В статье обобщаются сведения о различных жанрах детского фольклора, относящегося к Псковскому региону. Научная новизна исследования состоит в первом привлечении комплекса опубликованных и архивных источников для выявления аксиологически значимых доминант детства в фольклорном дискурсе. В результате исследования подтверждается мысль о том, что модель мира ребенка как динамическая категория проявляется в его коммуникативном поведении со всем окружающим миром. Обосновывается вывод об отражении в детском фольклорном дискурсе форм идентификации ребенка, способов обретения им защитных механизмов.

EN

Model of Childhood World in Folklore Discourse (by the Material of Regional Texts of Children's Folklore)

Bolshakova N. V.

Abstract. The aim of the study is to identify the discursive features of Pskov texts of children's folklore, revealing the picture of the world of childhood in the traditional culture. The article summarizes the information about various genres of children's folklore related to Pskov region. The scientific novelty of the study lies in the first involvement of a complex of published and archival sources to identify the axiologically significant dominants of childhood in folklore discourse. The study confirms the idea that the model of the child's world as a dynamic category is manifested in their communicative behaviour with the whole world around. The conclusion about the reflection of the forms of child's identification, the ways of acquiring protective mechanisms in children's folklore discourse is substantiated.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ростом внимания науки и социума к проблемам детства. Обращение к теме детства специалистов различных наук социально-гуманитарного направления сформировало устойчивое представление о полидисциплинарном характере данной темы. По справедливому утверждению одного из ведущих современных исследователей темы детства в традиционной культуре, «изучение детского быта и фольклора – не периферия научного знания, а одно из важнейших направлений современных междисциплинарных исследований» (Чередникова, 2002, с. 9).

Действительно, систематизация работ по теме детства в традиционной народной культуре выявила преимущественное большинство исследований, выполненных на стыке этнографии, культурологии, фольклора, лингвистики, краеведения, а также этнопедагогики, детской психологии и т.д. (Мир детства..., 2022). Важным атрибутом детства как особого социокультурного феномена является детский фольклор, отражающий такие особенности детской природы, как открытость, восприимчивость, незащищенность. Изучение традиционно детского фольклора позволяет выявить в его вербальном дискурсе формы идентификации ребенка, способы обретения им защитных механизмов.

Исходя из поставленной цели, в статье проводится анализ семиотических оппозиций отдельных жанров фольклорного дискурса. Для достижения указанной цели исследования в работе решаются следующие задачи: во-первых, на основе инвентаризации лексического состава текстов псковского традиционного детского фольклора раскрыть семантический потенциал слова, отражающего жизненный круг и опыт ребенка; во-вторых, выявить ключевые слова, категоризирующие универсальные семантические оппозиции; в-третьих, представить фрагменты «мира детства», обусловленные дискурсивными свойствами фольклорного текста.

Фольклорный дискурс как «особый тип коллективной речевой деятельности» (Эмер, 2011, с. 50) является полноценным источником и одновременно определяет методологическую базу для раскрытия картины мира детства в традиционной культуре.

Тексты детского фольклора, территориально связанные с Псковщиной, можно представить как комплекс источников: 1) неопубликованные данные, собранные на территории Псковской области экспедициями псковского вуза и представленные в виде базы данных на сайте (<https://noc.pskgu.ru>); 2) изданные материалы экспедиций, совершенных на данной территории фольклористами Санкт-Петербургской консерватории (Народная традиционная культура..., 2002; Редькова, 2008); 3) также опубликованные данные по русскому фольклору, собранные в ближайшем зарубежье – на территории Латвии (Krievu folklore..., 2008) и Западного Причудья, входящего в настоящее время в состав Эстонии (Морозова, Новиков, 2007). Таким образом, в работе в целом учтены все доступные источники по детскому фольклору на псковском материале – как хранящиеся в архиве, так и опубликованные в книжных изданиях.

В статье к анализу привлекаются тексты, в естественных условиях воспроизводимые детьми: заклички, полевые голошения. Тексты этих жанров, относящихся к «автономному» детскому фольклору (Сикимич, 2015, с. 113), соответствуют переходному – «предотроческому» – периоду детства: от четырех до семидесяти лет, когда игры детей уже могут проходить без участия взрослых, но, что особенно существенно, дети этой возрастной категории активно вовлекаются в трудовую деятельность крестьянской семьи (Золотая веточка..., 2021, с. 7). Тексты закличек представлены как в собрании псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива (<https://noc.pskgu.ru>), так и в публикациях материалов Санкт-Петербургской консерватории (Народная традиционная культура..., 2002; Редькова, 2008); тексты полевых голошений обнаружены только в двух последних источниках. Важно подчеркнуть, что избирательный принцип относительно привлеченных в работе региональных текстов детского фольклора обусловлен степенью отражения в них устной речевой культуры детства указанного возрастного периода.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых, разрабатывающих исследовательское направление, основанное на миромоделировании (Цивьян, 2006), которое связано с когнитивным осмыслением текстов (Демьянков, 2005). Понятию модели мира в самом общем виде посвящено много исследований; здесь же важно подчеркнуть, что «мир», модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии», а сама модель мира «реализуется в различных семиотических воплощениях» (Топоров, 1982, с. 161). Важным достижением изучения фольклорных текстов различных жанров стало осознание фольклорного дискурса как системы коммуникации, «детерминированной культурно-историческими условиями его функционирования» (Эмер, 2011, с. 50).

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе к проблеме детства, который включает в себя сочетание различных методов социально-гуманитарных научных направлений. В работе применяются следующие методы исследования: при выявлении семиотически нагруженных оппозиций – когнитивно-дискурсивный метод; при инвентаризации лексики фольклорных текстов – метод системно-структурного направления, а также методика выделения ключевых слов; при семантизации диалектного слова используется методика контекстного анализа.

Практическая значимость исследования состоит в разработке системы ключевых слов для модернизации электронной базы данных по детскому фольклору, созданной на основе псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива (<https://noc.pskgu.ru>). Результаты работы также позволяют обновить содержание вузовских дисциплин по русской диалектологии и фольклорному дискурсу.

Основная часть

Вопросы детства и детского фольклора получили разработку в ряде классических и новых исследований, вместе с тем до сих пор остаются области, недостаточно изученные и дискуссионные. Так, по-разному трактуются сами границы детства, однако очевидно, что периодизации детского возраста в прошлом и настоящем существенно различаются. Существуют также разночтения относительно жанров детского фольклора.

Что касается степени проработанности вопросов детства в лингвистике, то, с одной стороны, тема детства обстоятельно изучается в аспекте диалектологии, но безотносительно к детскому фольклору (Угрюмова, 2014; Агапова, Волошина, Демешкина, 2018), с другой стороны, успешно развивающееся направление лингвофольклористики (термин введен А. Т. Хроленко) не затронуло пока жанров детского фольклора (Климас, 2005). Детский фольклор, записанный на псковской территории, стал предметом исследования в направлении этномузыкологии (Редькова, 2009). Таким образом, новизна обращения к заявленной теме усиливается на фоне недостаточной ее изученности в лингвистике и смежных гуманитарных направлениях науки.

«Понимание фольклора как одной из форм речевой деятельности позволяет говорить о нем как о системе речевых фольклорных жанров» (Эмер, 2009, с. 108). Наиболее архаичными являются тексты закличек, связанные с мифологическими представлениями о природных явлениях и месте человека в мире. В псковском материале наиболее представленными являются заклички на дождь, на солнце и радугу – те силы природы, которые часто персонифицируются и выступают коммуникантами, в сторону которых обращена детская речь. Соответственно, ключевыми словами этого жанра выступают: *солнышко, дождь/дождик, радуга-дуга*, а также *Бог/Боженька/Христос* и *детки*. Чаще всего именно дождь является адресатом магического обращения

ребенка (формы *дождь* и *дождик* суммарно встречаются 19 раз в 16 текстах), что созвучно славянской народной традиции, в которой дождь является объектом «почитания и магического воздействия (вызывания или остановки)» (Толстая, 1999, с. 106). К дождю дети обращаются с различными, часто противоположными по своей направленности целями. Это могут быть просьбы о прекращении непогоды: *Дождь, дождь, перестань! / Я поеду в Ирестань, / Богу молиться, / к Христу в ноги клониться* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 203). Наоборот, призыв дождя может быть связан с осознанием его как явления природы, необходимого для плодородия: *Дождик, дождик, пуще, / налью тебе гущи, / а потом капусты, / чтоб не была грядка пуста* (Народная традиционная культура..., 2002, т. II, с. 492); *Дождик, дождик, пропусти, / дай горошку подрасти! // Дождик, дождик, поливай, / будет хлеба каравай* (<https://nos.pskgu.ru>). Нам представляется, что заклички в реальности связаны с детским пастушеством, когда дождь вследствие магического вызывания мог стать временным избавлением от тяжелого труда: *Дождь, дождь, грабани, / нас на печку загони* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 494); *Дождик, дождик, лей, лей, / разгони моих гусей. / Мои гуси дома / не боятся грому* (<https://nos.pskgu.ru>).

Функцию «избавителя» от дождя принимает на себя радуга: *Радуга-дуга, / не давай дождя, / давай солнышка, / из-под брёвнышка* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 205). Солнце в фольклорных текстах воспринимается не только как персонаж, противостоящий дождю как водной стихии в архетипическом сознании народной культуры. Показательно, что в текстах такого рода нет упоминания родителей или каких-либо других людей, с которыми ребенок строил бы коммуникацию. Но именно с матерью отождествляется солнце (в то время как функцию отца природные силы в этих жанрах на себя не принимают): *Солнышко-маменька, / закатись раненько, / твои детки плачут, / в масло макают, / тебя дожидают* (Народная традиционная культура..., 2002, т. II, с. 608). В текстах, где упоминается солнце, присутствует образ его *деток*, с которыми дети-крестьяне ассоциируют себя, обращаясь к силам природы. Таким образом, *дождь* и *солнце* как метеорологические противоположности не вступают между собой в оппозитивные отношения, а составляют двуединство сил природы, наряду с всевышними силами (*Бог, Боженька, Христос*), защищающими маленького человека.

Пространственная модель этих отношений предстает в виде смысловых оппозиций «верхнего ~ нижнего», «ближнего ~ дальнего». Верхний регистр представлен силами природы. Семантика «верхнего» (высокого) усиливается окказионализмом *высоколнышко*: *Радуга-дуга, / перебей дождя, / будет солнышко – / высоколнышко* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 203). Репрезентантом категории «дальнего» выступает топоним, символизирующий некое сакральное место, до которого надо проделать путь, чтобы там совершить молитву: *Дождь, дождь, перестань! / Я поеду в Ирестань (Ерестень), / буду Боженьке молиться, / на колени становиться* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 499). В одном из вариантов заклички отражено другое обозначение такого же священного места: *Дождь, дождь, перестань! / Мы поедем на росстань, / будем Боженьке молиться, / Христу в ноженьки клониться* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 494). *Росстань* – ‘перекресток дорог’ – в архетипическом сознании носителей традиционной культуры обозначает границу потустороннего мира и мира людей, где может состояться контакт с высшими силами.

Распространенные категории «верхнего» и «дальнего» фокусируются на образе ребенка, в фольклорном дискурсе которого соединяется языческое и христианское, отражая особенности сознания носителя народной культуры. Мир земной и обыденный даже в таком строго структурированном жанре, как закличка, проступает в бытовых элементах, появляющихся в отдельных вариантах текстов. Гастрономический код представлен в уже упомянутом тексте: *Дождик, дождик, пуще, / налью тебе гущи, / а потом капусты...*; а также в тексте пастушеского детского фольклора: *Гойки-погойки, / погоним домойки / через колотовки. / Висит жаба на лому, / кто отзовется – той тому. / Молчать, как лук толчат(ь), / а мне можно говорить, / каши с маслом наварить* (Народная традиционная культура..., 2002, т. II, с. 608). В детском дискурсе отражены образы, характерные для народной гастрономии: каравай хлеба, каша с маслом, гуща (густая каша), капуста, толченый лук. Ремесленный код воспроизводится в одном из вариантов закличек, где упоминается изготовление лаптей: *Дождик, дождик, перестань, / я уеду в Ирестань! / Я там лычек надеру, / я лаптишек наплету! / Лапти носятся, / домой просятся* (Народная традиционная культура..., 2002, т. II, с. 492). Появление в тексте заклички нестандартной концовки обусловлено не только тем, что плетение лаптей из лыка – знакомый ребенку вид мужского домашнего ремесла. Предполагаем, что у самого информанта случилась неосознанная контаминация двух жанров детского фольклора, т.к. вторая часть структурно и по общему мотиву напоминает тексты материнского фольклора (колыбельные и пестушки), ср.: *Баю-баюшки-баю, / ходит кошка по краю; / кошка лыко дерёт, / коту лапти плетёт. / А кот лапти износил / да другие запросил* (Krievu folklore..., 2008, с. 252); *Алёна, Алёна, / погонимся в поле, / за синее море. / Там твоя мамка / сидит на дубёшки, / плетёт каверзёшки* (Народная традиционная культура..., 2002, т. I, с. 498). Так, в дискурс, исходно как будто не отражающий оппозицию «взрослого ~ детского», проникают образы взрослого мира. Причем мир взрослых в восприятии ребенка гендерно неравновелик: в оппозиции «мужской ~ женский» доминирующим является женское начало, ср.: *солнышко-маменька* при невыраженности функции отца в образах защитных природных сил.

К пастушескому детскому фольклору относятся так называемые полевые голошения, которые, как и заклички, обращены к силам природы (*ветрам буйным, тёплому солнышку*), а также, по традиции, – *сизой кукушке*. Строится текст от лица девочки (по аналогии с плачем в похоронном обряде – чисто женской функцией), пасущей белых коровок. Например: *Прогляни, тёплое солнышко, / разогрей горькую сиротушку / у чужих людюшек, в чистом полюшке* (Народная традиционная культура..., 2002, т. II, с. 492); *Поднимитесь, ветры буйные, / разгоните тучи тёмные, / разогрей горькую сиротушку / в чистом полюшке, в чужих людюшках* (Редькова, 2008, с. 17); *Провожают меня, девочку, / за белыми коровками. У! У! / Бедная сиротушка* (Редькова, 2008, с. 28).

Мотив *тяжелой работушки*, которую вынуждена выполнять *горькая/бедная сиротушка*, вызывает жалость и сострадание, при этом текст не рассчитан на восприятие каким-либо реальным лицом, т.к. локус исполнения голошений – *чистое полюшко*. Выделенные ключевые слова текстов этого жанра позволяют представить мир ребенка, осознающего свою покинутость и одиночество. Даже если сиротство не является реальным, распространенность такого жанра традиционного детского фольклора указывает на раннее взросление ребенка при патриархальном социальном устройстве.

Таким образом, мы видим, что фольклорный дискурс, отражающий коммуникативные связи ребенка, выявляет существенную роль традиции в самоидентификации ребенка. С помощью фольклора ребенок определяет свое место в обществе, знакомится с его социальной структурой, учится коммуницировать с силами природы, с самим собой.

Заключение

Итак, в статье представлен анализ части региональных текстов близких в коммуникативном отношении жанров детского фольклора, раскрывающих картину мира детства. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Общий анализ (классификация по жанрам, выделение ключевых слов, характерных для каждого жанра) всего корпуса региональных текстов детского фольклора, доступных в архивных и опубликованных источниках, выявил неравномерную представленность различных жанров, а также ожидаемую индивидуализацию в составе тематических групп ключевых слов в пределах жанра.

Проведенный анализ показал, что ключевые слова (лексемы и устойчивые сочетания) выступают в дискурсе категоризаторами, отражающими жизненный круг и опыт ребенка определенного возрастного периода.

Обнаружено, что лексические единицы в тексте обладают неравноценным культурно-историческим и мифопоэтическим смыслом. Универсальные семантические оппозиции, выявленные в детском фольклорном дискурсе, репрезентируются в первую очередь ключевыми словами, которые выделены на основе синтеза количественного и семантического принципов. Модель мира ребенка представлена оппозициями «нижнего ~ верхнего», «ближнего ~ дальнего», правые части которых выражают не собственно пространственные, а метафизические понятия «высокого» и «нездешнего». Взрослый мир не занимает доминирующей позиции в данном дискурсе, детский мир не выстраивает с ним коммуникативных отношений. Благодаря мифологическому сознанию ребенок ощущает себя включенным в мир природы и высших сил, с которыми связаны его ожидания защиты и поддержки.

Модель мира ребенка не статична. Она меняется с возрастом, но и в одной возрастной категории различные дискурсы будут выявлять нетождественные смысловые доминанты общей модели мира детства. В связи с этим перспективы дальнейшего исследования мира детства в традиционной культуре связаны с изучением жанрово детерминированных особенностей фольклорного дискурса всего регионального детского фольклора.

Финансирование | Funding

RU

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX - начала XXI века».

EN

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Belarusian Republican Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 20-512-00003 “Subculture of childhood in the discourse of oral history, language and folklore of Vitebsk-Pskov borderland of the XX - early XXI century”.

Источники | References

1. Агапова Н. А., Волошина С. В., Демешкина. Т. А. Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / под ред. М. М. Угрюмовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018.
2. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3.
3. Золотая веточка: детский фольклор Каргопольского и Коношского районов Архангельской области: материалы к Своду русского фольклора / сост., подгот. текстов, нотации, ст., коммент. Е. И. Якубовской. СПб., 2021.
4. Климас И. С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2005.
5. Мир детства в традиционной культуре и народной речи: библиографический указатель / под общ. ред. Н. В. Большаковой; сост. Н. В. Большакова (Псков), В. Е. Овсейчик (Полоцк). Псков: ЛОГОС, 2022.
6. Морозова Н., Новиков Ю. Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2007.

7. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: в 2-х т. / автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. СПб. - Псков: ОЦНТ, 2002. Т. I. Т. II.
8. Редькова Е. С. «Гойки-погойки, погоним домойки...». Детские полевые голошения, уканья, заклички, наигрыши: учеб.-метод. пособие к занятиям по народной традиционной культуре: в 2-х ч. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2008. Ч. 1.
9. Редькова Е. С. Жанровые особенности образцов детского музыкального фольклора: автореф. дисс. ... к. иск. СПб., 2009.
10. Сикимич Б. Вербальный дискурс детского фольклора у сербов и других южнославянских народов: возможности анализа // The Serbian Language as Viewed by the East and West: Synchrony, Diachrony and Typology / ed. by L. Popović, M. Nomachi. Sapporo: Hokkaido University, 2015.
11. Толстая С. М. Дождь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2.
12. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. I.
13. Угрюмова М. М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2014.
14. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006.
15. Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002.
16. Эмер Ю. А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2.
17. Эмер Ю. А. Фольклорный жанр (к проблеме лингвокогнитивного моделирования) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2.
18. Krievu folklore Daugavpils Universitātes student pierakstos / F. Fjodorovs, red. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2008.

Информация об авторах | Author information

Большакова Наталья Валентиновна¹, к. филол. н., доц.

¹ Псковский государственный университет

Bolshakova Natalia Valentinovna¹, PhD

¹ Pskov State University

¹ bolshakova55@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): детский фольклор; фольклорный дискурс; модель мира; псковский диалектный и фольклорно-этнографический архив; children's folklore; folklore discourse; model of the world; Pskov dialect and folklore-ethnographic archives.